

UDC 94(4) : 94(5)

**DATA OF WRITING SOURCES
ABOUT THE ALANS OF SOUTH-WEST CRIMEA**

O. Bubenok

DSc (History), Professor

A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine

4, Hrushevskoho Str., Kyiv, 01001, Ukraine

helgebub@i.ua

As a result of bringing of written and epigraphic sources the author of this article marked the existence of the separate groups of Alanian population near Chersonese city in the first centuries AD and then after a considerable interruption in 11th – 15th centuries AD – on the borders of Crimean Gothia. It can be explained by the feature of ethnic processes in the South-West part of the Crimean peninsula which were in direct connection with political events in the region. So, at the beginning of AD the appearance of the Alans near Chersonese city had an episodic character only. The dating of this first Alan migration to Crimea is debatable. So, some researchers propose the 1st century AD as a date of Alan migration and others think that it happened in the 3rd century AD. Only in 4th – 5th centuries AD the Alans together with the Goths had occupied the mountains of South-West Crimea, but they did not take part in the political life for long time. Therefore the written sources did not mention them in this period. During the Byzantine administration and later, in 11th – 15th centuries AD, the Alans began to live near Chersonese city as a protectors of the town from the attacks of enemies from the North. Therefore they took part in political events at this time. As a result, the written and epigraphic sources mention them very often. The “Letter of Bishop Theodor” is one of the most detailed. So, in the beginning of the 13th century AD bishop Theodor wrote about the “Small Alans” who lived near Chersonese city as a “protection” from the attacks of enemies. In the first half of 15th century AD Giosafatte Barbaro mentioned the Goth-Alans (mixed Goth-Alanic population) in the South Western part of Crimean peninsula. The last information about the Alans with Goths goes to 1459. Thus, in the second half of the 15th century AD the Alans disappeared as an independent ethnic group in the South-West Crimea. It became the result of confluence of them with the Goths.

Keywords: Alans, Goths, Chersonese city, ethnic processes, Gothia, Byzantium, Crimean khanate

О. Б. Бубенок

**ДАнные ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ОБ АЛАНХ
ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА¹**

Исследователи неоднократно указывали на сохранение аланского населения в юго-западной части Крымского полуострова в эпоху Средневековья. Однако письменные источники содержат об этом недостаточно информации.

В свое время А. Л. Якобсон выдвинул предположение о том, что вплоть до татаро-монгольского нашествия территория Юго-Западной Таврики (район, примыкающий к Херсону) была полностью населена аланами [Якобсон 1964, 193, прим. 87]. Однако, как оказалось, ситуация была более сложной. На основании последних данных А. И. Айбабин и Э. А. Хайрединова в своей монографии, посвященной могильнику у с. Лучистое, появление подобных памятников в Юго-Западном Крыму объясняют следующим образом: «Могильник возник в конце IV в., когда поселившиеся здесь аланы начали хоронить на северо-западном участке холма в типичных для алан подбойных могилах в склепах с трапецевидными или прямоугольными камерами с узкими коридорами, ведущими из камер в длинную входную яму (дромос). Аланы

были вынуждены освоить в горах новый тип пастушеско-земледельческой экономики и существенно изменить образ жизни... Около середины V в. часть готов, вероятно не ушедших с утигурами на Северный Кавказ, осели у подножия горы Демерджи. В трактате “О постройках” Прокопий Кесарийский называет местное население готами...» [Айбабин, Хайрединова 2008, 6]. Как видим, процесс появления готов в Юго-Западном Крыму нашел отражение в письменных источниках. К сожалению, этого нельзя сказать об аланах. Поэтому важно установить, к какому времени относится первое достоверное упоминание об аланах Юго-Западного Крыма.

Если обратиться к текстам поздней Античности, то решить данный вопрос довольно проблематично. Следует отметить, что наиболее раннее упоминание об аланах, живших по соседству в Феодосии, содержится в “Перипле Понта Эвксинского”, который приписывается автору начала VI в. Арриану. Там отмечено: “На нынешнее же время Февдосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть Семибожний” [Алемань 2003, 146–147]. По мнению В. Ф. Миллера, в первоначальном варианте это название могло иметь вид *Абдарда*. Он был склонен связывать *ard* с авестийским *areda* (сторона), санскритским *tardha* и осетинским *аердаег* (половина) и предполагал, что название *Абдарда* могло означать “Семисторонний” [Миллер 1887, 70]. Однако это не имеет прямого отношения к теме данного исследования.

Не имеют также отношения к этому и приведенные А. Алеманем в его монографии об аланах эпиграфические античные надписи, обнаруженные в Юго-Западном Крыму. Так, исследователь привлек в своей работе надпись 107 г. н. э. из Херсонеса Таврического, которая была посвящена Диофанту, сыну Асклепиодора, уроженцу Синопы и полководцу понтийского царя Митридата VI Евпатора. В этой длинной надписи есть упоминание о том, что скифский царь Палак привлек народ ревксиналов на свою сторону. А. Алемань склонен считать, что под “ревксиналами” следует подразумевать роксаланов [Алемань 2003, 162–163]. Вторая надпись, приведенная А. Алеманем, была найдена в 1984 г. в средневековой базилике, по его мнению, на Мангупе, на каменной плите, происходившей из Ольвии. Надпись датируют I в., и она содержит упоминание о посольстве к великим царям Аорсии [Алемань 2003, 162–163]. К сожалению, А. Алемань не указал на источник информации, и поэтому имеет смысл выяснить ряд неточностей.

Прежде всего, следует отметить, что упомянутый фрагмент декрета на греческом языке был обнаружен и исследован В. А. Сидоренко в 1984 г. не на самой горе Мангуп, как считает А. Алемань, а у подножия Мангупа при раскопках средневековой базилики. В. А. Сидоренко определил, что “по общим признакам шрифта декрет можно датировать I в. н. э.” [Сидоренко 1996, 36]. Относительно содержания обнаруженной надписи исследователь отметил: “Надпись представляет собой почетный декрет в честь неизвестного гражданина. Фрагмент не сохранил названия полиса, что заставляет подробнее остановиться на выяснении его происхождения... Ольвия является реальным претендентом на родину декрета” [Сидоренко 1996, 37]. Для нас особый интерес представляет заключительный фрагмент сохранившегося текста декрета, который в переводе В. А. Сидоренко на русский язык имеет вид: “...проявил гражданское мужество и на будущее мир и спокойствие городу возвратил, всем нам на пользу устроив наилучшим образом дела, совершил же посольство и в страну... к великим царям Аорсии...” [Сидоренко 1996, 37]. В связи с этим нельзя не согласиться со следующим выводом В. А. Сидоренко: “Упоминание Аорсии позволяет наметить верхнюю границу датировки декрета. Как известно, аорсы практически сходят с политической арены с вытеснением их аланами. Отчасти подчиненные им, отчасти же двинувшиеся с мест обитания на запад, племена некогда могучего союза теряют окончательно и свое общее самоназвание аорсов. С переселением части этих дружественных Риму племен в Мезию непосредственно связана деятельность легата Мезии Плантия Сильвана. Поскольку события, связанные с аланским про-

движением в регион Восточной Европы, приходится на время не позднее 61 г., этот рубеж является крайним и для датировки нашего декрета” [Сидоренко 1996, 49–50]. Как видим, в данном тексте начала нашей эры речь идет не об аланах, а об аорсах. А это не одно и то же.

А. Алемань также допускает, что аланы Юго-Западного Крыма были упомянуты в 11 главе сочинения Константина Багрянородного “Об управлении империей”. Исследователь ссылается на сообщение епископа Феодора, который в начале XIII в. писал о так называемых “малых аланах”, живущих “близ Херсона” [Алемань 2003, 316]. “Эксусиократор Алании, – пишет византийский автор X в. Константин Багрянородный, – не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир” [Константин 1991, 52–53].

В связи с этим вспоминается сообщение епископа Феодора, который в начале XIII в. писал о так называемых “малых аланах” следующее: “Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана города” [Кулаковский 1898, 17]. Исходя из этого, можно предположить, что аланы предместий Херсона вполне бы могли нести службу по охране города от нападения хазар. Однако в данном случае не совсем ясно, как могли аланы, находившиеся вблизи Херсона, преграждать хазарам путь к Саркелу. Приходится констатировать, что Константин Багрянородный в 11 главе своего трактата имел в виду не аланов Юго-Западной Таврики. Поэтому имеются основания трактовать сообщение 11 главы трактата Константина Багрянородного, где упоминается “Херсон и Климаты”, не иначе как указание на существование в середине X в. в Крыму владений Византии, а не Хазарии. В связи с этим достаточно напомнить, что климаты Херсона неоднократно упоминаются в трактате “Об управлении империей”. Имеет резон процитировать 1 главу этого сочинения: “Поскольку этот народ пачинакитов (печенегов. – О. Б.) соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты” [Константин 1991, 37, 281–283]. Как показал М. А. Никифоров в своей диссертации “Византийские владения в Горном Крыму в первой половине IX – в начале XIII вв..”, “климатами” византийские авторы называли Горный Крым. Это было название первой на полуострове византийской фемы, которая была основана, по его мнению, между 834–837 гг. [Никифоров 2013]. Однако К. Цукерман склонен отодвигать эту дату к 841 г. [Цукерман 1997, 312–316].

Весьма примечательно, что предположение о нахождении не хазарских, а “византийских владений в Крыму”, упоминаемых в 11 главе трактата Константина Багрянородного, выдвинул еще в XIX в. Ю. А. Кулаковский. По мнению известного византолога, если аланы могли преграждать путь хазарам к Саркелу и Крыму, то они “должны были составлять часть населения Припонтийских степей” [Кулаковский 1899, 53–54]. К подобному выводу также пришел польский историк Т. Левицкий. Он считал, что в 11 главе сочинения “Об управлении империей” речь идет об аланах, которые обитали на Нижнем Дону [Lewicki 1956, 38]. Если принять во внимание последнюю точку зрения, то сообщение, что “эксусиократор Алании” может препятствовать хазарам достигать Саркела, климатов и Херсона, должно содержать указание на нахождение аланов в степях Северного Приазовья вблизи Саркела, откуда открывались подходы к Боспору и Перекопу.

Тем не менее на сегодня уже имеются основания говорить о возможности очень ранней фиксации аланов в районе Юго-Западного Крыма. Речь идет о надписи на греческом языке, обнаруженной в Керчи в 1985 г. Этот текст содержался на мраморной плите и состоял из 47 строк. В 2005 г. Ю. Г. Виноградов и С. А. Шестаков полностью опубликовали сохранившиеся части надписи на языке оригинала [Виноградов, Шестаков 2005, 42–44]. Тогда же С. Ю. Сапрыкин полностью опубликовал перевод содержания этой надписи на русский язык. В этой надписи, посвященной умершему и его деяниям, есть довольно большой фрагмент, где повествуется о пребывании аланов в Крыму. Имеет смысл процитировать его: “...и тогдашний цезарь, находясь... услышал о великом (и... и при) решении дел порицал вину... и письмом пригласил к цезарю, (который), одоблив (происходящее), побудив к этому на будущее... и царям аланов за (вину их?) счел нужным определить (справедливое наказание?). Ведь когда (выявляются) важные дела, то они привлекают тех, кто вблизи, а когда они не выявляются, то они их беспокоят... он, (после того как) цезарь увидел его таким, каким он о нем услышал, был почтен (цезарем за эти дела) и, (оказав действие) нынешнему владыке Великому царю (Савромату), покинув более великого государя, (совершил военный поход на скифов) через Таврику. Когда он достиг Херсонеса, (попались ему навстречу? цари, которые) пришли для заключения союза с аланами, которых (он от этих надежд) отвратил. И когда он еще собирал (войско и) собирался отправиться в поход (на скифов), случилось ему (получить) от царей, что они клянутся (богами) в верности (и союзе)...” [Сапрыкин 2005, 46].

Следует обратить внимание на комментарии С. Ю. Сапрыкина относительно локализации вблизи Херсонеса описанных событий: «Тот факт, что, находясь в Херсонесе, чествуемый не военным, а дипломатическим путем отвратил “царей”, очевидно, тавро-скифов и сарматов, от намерения заключить соглашение с аланами, свидетельствует о сохранении Скифским царством в Крыму некоторой самостоятельности и права вступать в договоры и союзы...» [Сапрыкин 2005, 62]. Бесспорно, здесь аланы упомянуты в связи с событиями в Юго-Западном Крыму. Однако относительно времени описанных событий среди исследователей возникла дискуссия.

Первые издатели и комментаторы данной надписи Ю. Г. Виноградов и С. Ю. Сапрыкин относили памятник к эпохе Савромата I (93–123 гг. н. э.) [Виноградов, Шестаков 2005, 43; Сапрыкин 2005, 47–49]. Г. Бауэрсок и К. Джонс не соглашались с такой ранней датировкой надписи и приводят ряд аргументов в пользу более позднего времени, среди которых то мнение, что присутствие аланов в Крыму, подразумеваемое в тексте надписи, и их роль в ней не соответствуют ситуации конца I в. н. э., но вполне подходит для конца II – начала III в. [Bowersock, Jones 2006, 127–128]. С мнением Г. Бауэрсока и К. Джонса полностью согласен А. И. Иванчик. При этом он указал: “Окончательно решить вопрос в пользу одной из этих двух датировок не представляется возможным, но косвенным аргументом в пользу датировки пантикапейского энкомия и танаисской надписи близким временем является упоминание в обеих надписях Θρακικόν τάγμα, а также важное текстуальное совпадение между двумя надписями... Поэтому датировка пантикапейского энкомия эпохой Савромата III мне представляется наиболее вероятной” [Иванчик 2013, 62–65].

В ответ на это С. Ю. Сапрыкин в своей недавней публикации отметил: «...изменение этнополитической карты Северного Причерноморья в середине – первой половине I в. н. э. связано с появлением в северопричерноморском регионе новой волны сарматских племен – аланов. Миграции отдельных аланских племен под руководством вождей или “царей аланов”, как их именует автор пантикапейского энкомия, не могли не затронуть Боспорское царство, по соседству с которым находилась область расселения аланов на Северном Кавказе... Так что нет никаких оснований отвергать возможность вторжения аланов и, очевидно, зависимых от них племен Прикубанья на территорию Боспорского государства в конце I н. э.» [Сапрыкин 2012, 170].

Анализируя эти аргументы С. Ю. Сапрыкина, хотелось бы отметить, с одной стороны, что современная наука уже не относит ранних аланов к числу сарматских племен, а видит в них новых пришельцев из Центральной Азии. Например, А. А. Туаллагов формирование общности аланов относит ко времени, последовавшему за событиями после II в. до н. э. В выводах своей докторской диссертации он представил этот процесс следующим образом: “Тогда же начинается собственно аланский этап в истории Восточной Европы, обусловленный миграцией сюда центральноазиатских народов, среди которых, в первую очередь, выделяются юэчжигтохары. Представители центральноазиатского региона всегда играли достаточно важную роль непосредственно и в развитии самого сарматского мира. Наиболее значимым результатом действий алан стало воцарение их династии на боспорском престоле. В сер. I в. н. э. появляется новая волна восточных мигрантов, этнически близкая своим предшественникам и надежно идентифицируемая древними источниками с аланами. Теперь они выступили в качестве культурно-идеологического и военно-политического ядра, вокруг которого начинают складываться новые племенные объединения, в первую очередь, из этнически родственного им местного ираноязычного населения. Происходившие важные изменения в истории всех ираноязычных кочевников степного пояса Евразии привели к актуализации в их среде понятия, выражаемого термином *агуа-а1ап*, который начинает трансформироваться из социального в этнический и, в конечном итоге, становится традиционным для истории Восточной Европы, в особенности на Северном Кавказе. Представляется возможным определять протоалан как верховную знать юэчжийского мира. С I в. н. э. данный социальный термин приобретает свое квазиэтническое значение в силу известных этнополитических событий, фиксируя появление на исторической арене ранних алан как представителей многокомпонентных объединений ираноязычных кочевников” [Туаллагов 2002]. С другой стороны, столь раннее упоминание аланов в Северном Причерноморье – в I в. н. э. – подтверждается некоторыми письменными свидетельствами на латинском и греческом языках [Алемань 2003, 41–63, 124–128]. Таким образом, если аргументы С. Ю. Сапрыкина будут окончательно обоснованы, то мы будем иметь самое раннее упоминание об аланах не только в Юго-Западном Крыму, но и на всем Крымском полуострове. Однако после этого длительное время письменные источники не упоминали аланов в Юго-Западной Таврике.

Поэтому первым известным достоверным средневековым упоминанием аланов в Юго-Западном Крыму следует считать обнаруженную Н. А. Алексеенко и Ю. А. Цепковым надпись моливдовула из Херсона, где упомянут “Никифор вестарх и катепан Херсона и Хазар(ии) из рода Аланов”. Исследователи датируют ее 1060–1090 гг. При этом они видят в Никифоре выходца из северокавказской Алании. Присутствие северокавказского алана в Юго-Западной Таврике они объясняют рядом обстоятельств: “...появление печати катепана Херсона лишней раз указывает на прежнюю заинтересованность Византии в этом стратегически важном регионе и во второй половине XI – на рубеже XI/XII вв. Очевидно, активизация половецкой угрозы на северных границах империи толкнула имперскую администрацию на создание в Таврике в этот период новой военно-административной единицы – катепаната, с включением в него не только традиционно византийской территории в юго-западной части полуострова (Херсон и его округа), но и обширных земель Восточного Крыма (Сугдея и Хазария). Расположенная по соседству Алания, связанная с империей родственными связями и союзническими обязательствами, по-видимому, могла бы стать для нового крымского образования надежным и верным помощником в деле защиты северных рубежей империи. И, видимо, совсем не случайно на посту нового военного губернатора оказался выходец из Алании. Не исключено, что в силу сложившейся в этот период практики комплектации византийской армии за счет отрядов наемников он мог прийти в Херсон вместе с каким-то аланским военным контингентом” [Алексеенко, Цепков 2012, 12–13]. Однако Никифор из рода Аланов мог иметь и

местное происхождение, потому что довольно подробные сведения об аланах Юго-Западного Крыма в начале XIII в. оставил епископ Феодор.

Речь идет об “Аланском послании” епископа Феодора, который посетил Крым во времена Константинопольского патриарха Германа II, то есть с 1222-го по 1240 г. [Кулаковский 1898, 11]. Если исходить из того, что в данном документе монголо-татары еще не упомянуты в Крыму, то можно высказать предположение, согласно которому Феодор посетил Крым между 1222-м и 1238 г. Как свидетельствует текст его письма к патриарху Герману II, Феодор был назначен епископом к северокавказским аланам, но по дороге из Nikeи он вместе со своим отцом вынужден был высадиться в Херсоне. В Херсоне Федор нашел себе покровителя, который не смог защитить его от преследований. Случай помог Феодору и его спутникам убежать из города и оказаться среди аланов, проживавших тогда рядом с Херсоном. О них Феодор писал: “Близ Херсона живут аланы сколько же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана (города)”. Аланов, которые жили “в аланском селении неподалеку от Херсона”, он назвал “малыми аланами”. Находясь среди аланов Херсонской епархии, Феодор отметил, что эти аланы восприняли христианство поверхностно: “Они же по истине – были стадо, рассеянное по горам, пустыням и пропастям земным, не имеющее ни стойла, ни навеса, выставленное на пожирание (диким) зверям. Не было пасущего их, хотя благовестие было для многих. Но это не было бы дозволено и желающим, ибо они вовсе не слышали, каким должен быть епископ”. Кроме этого, Феодор указал, что аланы жили и в самом Херсоне [Кулаковский 1898, 17–18].

Пребывание Феодора среди “малых аланов” и миссионерская деятельность среди местной паствы вызвали беспокойство херсонского епископа, который увидел в деятельности Феодора нарушение своих прав и привлек его к суду. По словам Феодора, “этот старец, и из давнего времени епископствовавший, считал для себя смертью, что Аланы были у нас, или скорее, что мы были в Херсоне” [Кулаковский 1898, 18–19]. По мнению авторов книги “Жизнь и гибель Херсонеса”, «независимое поведение херсонского архиепископа в то время объясняется ослаблением власти вселенского патриарха во времена господства “латинян”» [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 332]. Вследствие действий херсонского епископа Феодор и его отец зимой отправились дальше на восток морским путем и с большими трудностями достигли берегов Боспора [Кулаковский 1898, 18–19].

По мнению Ю. А. Кулаковского, Феодор был поставлен епископом северокавказских аланов и успешно проповедовал среди крымских аланов, так как сам он был “алан по происхождению” [Кулаковский 1898, 9]. В связи с этим следует обратить особое внимание на то, что епископ Феодор и его спутники успешно могли общаться с “малыми аланами”: “Но на вопросы неких быть может и Алан мы давали ответы лишь на углу (т. е. частным образом)” [Кулаковский 1898, 18–19]. Очень маловероятно, чтобы языком этого общения был греческий. Похоже на то, что Феодор общался с “малыми аланами” на аланском языке. Это может быть свидетельством того, что речь крымских и северокавказских аланов была близка и понятна всем аланам, т. е. мы имеем дело с диалектами одного языка.

Кажется весьма странным, что первые упоминания об аланах вблизи Херсона относятся лишь ко второй половине XI в. и началу XIII в. Не исключено, что внешняя угроза заставила византийскую администрацию переселить часть аланов из центральных районов бывшей фемы Климаты к предместьям Херсона. Феодор дает понять, что во время его путешествия и Херсон, и Боспор страдали от нападений “скифов”. Так, в начале своего письма (разд. 4) он упоминает: “Херсон и скифская страна” [Кулаковский 1898, 17]. В 8 разделе письма видим: “Но пропади ты с нечестивыми и безбожными Аланами, которые хуже скифов!” [Кулаковский 1898, 18]. В 9 разделе повествуется о нападениях “скифов” на Боспор: “Устрашало и время – середина зимы и нападение Скифов на Боспор. Тем не менее, мы насильствовали путь,

рискуя не достигнуть цели. Кто бы сумел рассказать о скифских бедствиях?» [Кулаковский 1898, 18–19]. Обычно под “скифами” византийцы подразумевали кочевников причерноморских степей. Такими кочевниками в предмонгольское время со второй половины XI в. были половцы. Защищать от них Херсон и были поставлены аланы. Вполне вероятно, что это имеет отношение к информации моливдовула, согласно которой на высокую должность катепана был назначен Никифор из аланов. В данном случае не важно, был ли он местного, или северокавказского происхождения, но это может свидетельствовать в пользу того, что такое переселение аланов было вполне добровольным. Это предположение подтверждает и фраза Феодора: “Близ Херсона живут аланы сколько же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев” [Кулаковский 1898, 17].

Дальнейшие же упоминания об аланах Юго-Западного Крыма встречаются в более поздних текстах золотоордынского и османского времени, где они были известны также как “асы”. Так, в начале XIV в. арабоязычный автор Абу-л-Фида (1273–1331 гг.) писал о ситуации вокруг южнокрымского города Керкер, или Керкери, координаты которого – долгота 55°, широта 50°: «...(этот город) на краю седьмого климата в стране Асов. Его имя значит по-тюркски “сорок человек”. Это укрепленный замок, труднодоступный: он опирается на гору, на которую нельзя взойти. Наверху горы есть площадь, где жители страны (в момент опасности) находят убежище. Этот замок находится на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени Асов... Керкер находится на север от Сары-Кермена (Херсона. – О. Б.), между этими местами один день пути» [Aboulfeda 1848, 319]. Позднесредневековый арабоязычный автор ал-Калканианди подтверждает то, что город Керкер находился в стране Асов [Поляк 1964, 35].

У более поздних мусульманских авторов также содержится информация о том, что в крепости Керк-Эр (Кирк-Иер) проживал народ *асы*. Так, турецкий историк Али-эфенди в географическом описании седьмого климата повторяет информацию Абу-ал-Фиды: “Кырк-Эр есть крепость, из городов асских на север от Сары-Кермана. На весьма высокой горе находится” [Смирнов 1887, 104]. Автор “Семи планет” Сеид Мухаммед Реза, живший в первой половине XVIII в., и анонимный автор сокращенной истории Крыма помещают Кырк-Эр уже вблизи Бахчисарая, что может свидетельствовать о более позднем источнике информации. По их словам, “Упомянутый замок есть находящаяся близ Бахчэ-Сарая, на вершине крутой горы, построенная из мелких, твердых камней, крепкая, не имеющая себе подобных, твердыня” [Смирнов 1887, 104]. Относительно прежнего населения крепости Мухаммед Реза сообщает, что там обитал “в прежние времена непохвальный народ из племен Могульских, называемый Ас” [Смирнов 1887, 104]. В сокращенной же истории Крыма данный фрагмент имеет вид: “народ из родов татарских, называемый Ас” [Смирнов 1887, 104]. Автор “Семь планет”, как и другие мусульманские историки, сообщает, что в золотоордынское время жители крепости Кирк-Иер оказали ожесточенное сопротивление Шейбек-хану. Тогда последний вынужден был пойти на хитрость и на протяжении трех суток имитировал атаку, что окончательно измотало защитников крепости, и на четвертый день они окончательно уснули. Результаты этого для защитников Кирк-Иера были весьма плачевными: “Хитрый мирза, воспользовавшись этим случаем, развернул свое победоносное знамя и со своими приверженцами, именитыми татарами, произвел атаку. Скверные гяуры спали и не чуяли нападения татар, которые без боя и сражения овладели ключами означенной крепости” [Смирнов 1887, 105]. Данные сведения о жителях Кирк-Иера позволяют согласиться с мнением В. Д. Смирнова и Ю. А. Кулаковского, что это были упомянутые в других фрагментах асы, т. е. аланы [Смирнов 1887, 105; Кулаковский 1899, 64–66]. Что же касается использованного термина “гяуры”, т. е. “неверные”, то это заставляет вспомнить, что крымские аланы являлись христианами. На основании изложенного В. Д. Смирнов сделал вывод, с которым нельзя

не согласиться: “Первоначальными обитателями Кыркора признается какой-то народ Ас, этнографическое определение которого у крымских историков довольно смутное: один называет асов племенем монгольским, другой – татарским” [Смирнов 1887, 104–105].

Отождествление Сары-Кермана с Херсонесом и привязка Кирк-Иера к Бахчисараю у мусульманских авторов дает основание видеть в Кирк-Иере более позднюю крепость Чуфут-Кале. Ю. А. Кулаковский считал, что нахождение аланов близ Херсона в начале XIII в., о которых епископ Феодор писал, что они были “словно некое ограждение и охрана (города)”, и существование алано-асского населения в Чуфут-Кале в более поздние времена – это взаимосвязанные явления. Тем не менее исследователь полагал, что аланы были там “не исконным населением, а сравнительно новым” [Кулаковский 1914, 100; 2002, 174]. По мнению же А. И. Айбабина, основу населения крепости Киркер (Кирк-Иер) представляли потомки переселившихся с Северного Кавказа аланов-асов, которые уже в 1321 г. владели этой крепостью. Основанием для такого отождествления стало то, что восточные авторы называли обитателей крепости не аланами, а асами [Айбабин 1999, 147]. Такого же мнения придерживается В. А. Кузнецов [Кузнецов 1984, 81–82].

Но у арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных авторов XIII–XV вв. и более поздних времен этнический термин *Ас* вытеснил традиционное название *Алан*. Поэтому можно считать, что упомянутые в Киркере (Кирк-Иере) мусульманскими авторами асы могли иметь не обязательно северокавказское, но и местное крымское происхождение. Именно они в домонгольские времена могли входить в состав Херсонской или Готской епархий и в византийских источниках были известны, прежде всего, как аланы.

Особый интерес представляет дальнейшая судьба аланского населения Кирк-Иера. Относительно этого В. Д. Смирнов высказал предположение: «Важно то, что караимы во всяком случае не считаются коренными жителями Кыркора, а водворенными в нем в позднейшее время по воле татар, вследствие чего крепость получила другое имя – Чуфут-Калэ = “Жидовский город”, которое постепенно совсем заменило прежнее его наименование... Говоря о водворении караимов в Кыркоре, крымские историки однако же не дают известий о том, что случилось с сидевшими в нем дотеле асами. О поголовном избиении их, или вообще о какой либо резне, ничего не говорится» [Смирнов 1887, 104–105]².

Христианские же тексты свидетельствуют о более широком расселении аланов на землях Юго-Западного Крыма в позднее Средневековье. Возможно, об этом аланском населении речь идет в Синодальном акте Константинопольского патриархата от 1384 г., где говорится о спорах между херсонским и готским митрополитами по поводу приходов: Сикита, Парфенит, Лампад, Алушта, Фуна и Алания. По данным Синодального акта от 1390 г., этот спор был решен в пользу Херсонской митрополии и ей был передан городок Кинсанус “и всеми около него прибрежными местами, Фуною, Аланиею, Алуштою, Лампадо-Парфенитою и Сикитою с Хрихарем, которые бывшие перед нами патриархи, оторвали от Херсонской церкви, приставили к церквям Готской и Сугдейской” [Древние акты... 1867, 460, 468–469]. По мнению Ю. А. Кулаковского, эта многолетняя тяжба может лишь указывать “на бедность Херсонской митрополии” [Кулаковский 1914, 116; 2002, 188]. Тем не менее авторы коллективной монографии о Херсонесе считают, что в действительности дела у херсонского митрополита не были уж такими плохими, а это был всего лишь “политический прием”, вследствие чего “все побережье вплоть до Судака оказалось под контролем митрополита Херсона” [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 355]. В связи с этим большой интерес представляет упоминание местности *Алания*. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, *Алания* – “это имя не поселения, а этническое, данное по имени жившего там народа” [Бертье-Делагард 1915, 237]. Относительно локализации данного топонима Ю. А. Кулаковский высказал предположение, со-

гласно которому селение Алания находилось “где-то к востоку от нын. Алушты на побережье, как видно из другого (второго. – *О. Б.*) акта” [Кулаковский 2002, 188]. Ф. Брун считал, что именно об аланах этого поселения идет речь в письме Марино Санудо к французскому королю Филиппу IV от 13 октября 1334 г., где к народам, зависевшим от татар, отнесены “готы с небольшим числом аланов в Галгарии (Хазарии в Крыму. – *О. Б.*)” [Брун 1880, 137].

О том, что в Юго-Западном Крыму аланы проживали по соседству с готами, может также свидетельствовать сообщение венецианского автора первой половины XV в. Иосафата Барбаро. О ситуации в Крыму Иосафат Барбаро сообщает: «Далее за Кафрой (Феодосией. – *О. Б.*), по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней Алания, которая тянется по “острову” в направлении к Монкастро (Белгороду-Днестровскому. – *О. Б.*)» [Барбаро 1971, 157]. В данном случае выражение “*Alania, la qual va per la insula verso Monkastro*” можно объяснить двояко, ибо налицо неопределенность указанной локализации. Ф. Брун и Ю. А. Кулаковский широко трактуют это сообщение Иосафата Барбаро и видят аланское население не только в Крыму, но и в степном междуречье Днепра и Днестра. В качестве подтверждения этого Ф. Брун указывает на существование в нижнем течении Днестра селения под названием Яска, напротив Оленешти [Брун 1880, 356; Кулаковский 1899, 69]. Е. Ч. Скржинская и В. А. Кузнецов, наоборот, считали, что речь идет только о Крыме и крепость Монкастро в нижнем течении Днестра упомянута лишь для конкретности – с целью подчеркнуть протяженность Алании к западу от Газарии (Хазарии), т. е. в данном случае они локализуют аланов только в Юго-Западном Крыму [Барбаро 1971, 180, *коммент.* 127; Кузнецов 1984, 83].

Далее Иосафат Барбаро сообщает об этнической ситуации, сложившейся на юге Крыма к середине XV в.: “...благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы” [Барбаро 1971, 157].

Комментируя данное сообщение, А. И. Айбабин отметил: “...к концу X в. завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Она впитала в себя аланский, готский, ромейский и болгарский компоненты. Их объединили христианство и византийская культура... Следует отметить, что анализ археологических материалов позволяет поменять местами слагаемые этого этнонима (готаланы. – *О. Б.*) и именовать народ, сформировавшийся в Горном Крыму в средние века, аланоготами. Они жили там до середины XVIII в.” [Айбабин 1999, 229–230]. Мнение В. А. Кузнецова по данному вопросу несколько отличается. Исследователь считает, что в XV в. аланы Юго-Западного Крыма еще продолжали сохранять свою этническую обособленность. По мнению В. А. Кузнецова, сообщение Иосафата Барбаро “свидетельствует не только о длительном соседстве и смешении алан и готов, но и о возможной их чересполосице” [Кузнецов 1984, 83].

И одно из последних известных упоминаний об этой группе аланов содержится в письме трапезундского правителя Давида относительно перспектив антиосманской коалиции. В письме к Филиппу Бургундскому от 29 апреля 1459 г. Давид сообщает, как он “отдал замуж свою племянницу Феодору за Узун-Хасана с целью привлечения его в лигу, как сам он выйдет с 20 галерами и 20 000 войска, Хасан с 50 000, Георгий VIII Грузинский с 60 000, подчиненный ему грузинский герцог с 20 000 кавалерии, Дадиан Липарит, князь Мигрелии, с 60 000, Рабия, князь Абхазии, с его братом и баронами, с 30 000; кроме того, готы и аланы дали обещание сражаться под знаменем короля Георгия Грузинского...” [Успенский 2003, 254].

Таким образом, данные письменных источников отмечают существование отдельных групп аланского населения уже в первые века нашей эры вблизи Херсонеса, а потом, после значительного перерыва, – на границах Крымской Готии лишь в

XI–XV вв. Это можно объяснить тем, что в начале нашей эры появление аланов вблизи Херсонеса носило лишь эпизодический характер. В эпоху Великого переселения народов, в IV–V вв., аланы вместе с готами заселили горы Юго-Западного Крыма. В результате проживавшие на окраинах горной страны аланы долгое время не были задействованы в тех этнических процессах, которые происходили во внутренних районах Готии, и поэтому могли длительное время сохранять свою этническую самобытность. Вполне вероятно, что в раннесредневековых письменных источниках они, как и доминировавшие в горной стране готы, были сокрыты под обобщающим термином “готы”. При византийской администрации и позже аланы, жившие на окраинах Готии, в ряде случаев стали выступать как самостоятельная политическая сила, что и нашло отражение в письменных источниках XI–XV вв. Что же касается этнических процессов в центральных областях Крымской Готии, то большое значение имеет информация Иосафата Барбаро, согласно которой от “смешения” аланов и готов образовался новый этнос с новым этническим самоназванием “готаланы”. Таким образом, имеются основания говорить о завершении процесса не этнической ассимиляции, а межэтнической консолидации.

¹ Основой для данной статьи стал доклад, прочитанный в Крыму 4 сентября 2013 г. на Международной научной конференции “II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна” [Бубенок 2013, 13–14].

² В данном случае следует с осторожностью относиться к некоторым опубликованным Д. А. Хвольсоном надгробным надписям из Чуфут-Кале, которые содержат имена: Моисей Алани, сын Иосифа Алани, и Гошла Алани. По мнению Д. А. Хвольсона, “эти два лица происходят, вероятно из страны алан на Кавказе и жили в Крыму” [Хвольсон 1866, 176; 1884, 342]. Однако В. А. Кузнецов более осторожен в выводах и считает, что “Иосиф и Моисей Алани не являются иммигрантами с Кавказа, их фамилия отражает их этническое окружение в Чуфут-Кале, это первые еврейские поселенцы здесь”. Свои выводы исследователь подтверждает аналогичной ситуацией в северокавказской Алании, где, в соответствии с данными письменных источников, среди аланов расселялись небольшие группы евреев, “скорее торговцев и ремесленников” [Кузнецов 1984, 82, 92, прим. 105]. Относительно этого вывода М. Я. Чорефа несколько иные: «Эти два имени явно указывают на связь представителей караимского населения Кырк-Ера с Аланией. И имя “Алан” возможно является не только прозвищем, но этническим определителем этих лиц» [Чореф 1985, 73].

Весьма примечательно, что существование подобных фамилий было зафиксировано и в более позднее время. Так, А. И. Полканов отметил существование следующих фамильных антропонимов среди крымских караимов: *Алан* – “из племени алан”, *Алани* – “из племени алан” и *Аланбий* – “аланский князь”. Это, по его мнению, может указывать “на племенное происхождение” фамилии *Алан* [Полканов 1995, 135, 138, 141]. Однако в среде тюркоязычных народов, к числу которых относят себя крымские караимы, в этнической номенклатуре термин *алан* практически отсутствует. Большинству тюркских народов был известен лишь этноним *ас*.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – Вестник древней истории, Москва
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва – Ленинград
 СА – Советская археология, Москва

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999.
Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь – Керчь, 2008.

Алексеевко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // **Херсонесский сборник**. Вып. XVII. Севастополь, 2012.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. Москва, 2003.

Барбаро И. Путешествие в Тану // **Барбаро и Контарини о России**. Ленинград, 1971.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // **ЗООИД**. Т. XXXII. Одесса, 1915.

Брун Ф. **Черноморье**. Т. II. Одесса, 1880.

Бубенок О. Б. Аланы Юго-Западного Крыма по данным средневековых письменных источников // **II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна**, г. Бахчисарай, КРУ "Бахчисарайский историко-культурный заповедник". 3–7 сентября 2013 г. Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2013.

Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio Funeris из Пантикапея // **ВДИ**, 2005, № 2.

Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // **ЗООИД**. Т. VI. Одесса, 1867.

Иванчик А. И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // **ВДИ**, 2013, № 1.

Константин Багрянородный. **Об управлении империей** / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.

Кузнецов В. А. **Очерки истории алан**. Орджоникидзе, 1984.

Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора "Аланское послание" // **ЗООИД**. Т. XXI. Одесса, 1898.

Кулаковский Ю. А. **Аланы по сведениям классических и византийских писателей**. Киев, 1899.

Кулаковский Ю. **Прошлое Тавриды**. Киев, 1914.

Кулаковский Ю. **Прошлое Тавриды**. Киев, 2002.

Миллер В. Ф. **Осетинские этюды**. Т. III. Москва, 1887.

Нікіфоров М. А. **Візантійські володіння у Гірському Криму у першій половині IX – на початку XIII ст.** Автореф. дис... канд. іст. н. Київ, 2013.

Полканов А. И. **Крымские караимы**. Париж, 1995.

Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // **Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы**. Москва, 1964.

Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // **ВДИ**, 2005, № 2.

Сапрыкин С. Ю. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // **ВДИ**, 2012, № 1.

Сидоренко В. А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // **МАИЭТ**. Вып. V. Симферополь, 1996.

Смирнов В. Д. **Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII вв.** Санкт-Петербург, 1887.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. **Жизнь и гибель Херсонеса**. Харьков, 2000.

Туаллагов А. А. **Сарматы и аланы в IV в. до н. э. – I в. н. э. (основные проблемы этногенеза и этнополитической истории)**. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владикавказ, 2002. За адресом: <http://cheloveknauka.com/sarmaty-i-alany-v-iv-v-do-n-e-i-v-n-e-#ixzz4jyFl24qa> (станом на 11 червня 2017 р.).

Успенский Ф. И. **Очерки истории Трапезундской империи**. Санкт-Петербург, 2003.

Хвольсон Д. А. **Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма**. Санкт-Петербург, 1866.

Хвольсон Д. А. **Сборник еврейских надгробных надписей из Крыма от IX–XV ст.** Санкт-Петербург, 1884.

Чореф М. Я. К вопросу об аланах в средневековом Крыму // **Археология и традиционная этнография Северной Осетии**. Орджоникидзе, 1985.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // **Бахчисарайский историко-археологический сборник**. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Якобсон А. Л. **Средневековый Крым**. Москва – Ленинград, 1964.

Aboulféda. **Géographie**. Traduite de l'Arabe en Français. L. II. Paris, 1848.

Bowersock G. W., Jones C. P. A New Inscription from Panticapaeum // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 156. Bonn, 2006.

Lewicki T. *Zródła arabskie do dziejów słowiansze zyzhy*. T. 1. Wrocław – Krakow, 1956.

REFERENCES

- Aibabin A. I. (1999), *Etnicheskaya istoria ranniesrednevekovogo Kryma*, Dar, Simferopol. (In Russian).
- Aibabin A. I., Hairedinova E. A. (2008), *Mogilnik u sela Luchistoye*, Vol. I, Simferopol, Kerch. (In Russian).
- Alexeenko N. A., Tsepkov Yu. A. (2012), “Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetelstva ili istoricheskie realii”, *Hersonesskiy sbornik*, Vol. XVII, Sevastopol, pp. 3–14. (In Russian).
- Aleman A. (2003), *Alany v drevnih i srednevekovykh pismennykh istochnikakh*, Menenger, Moskow. (In Russian).
- Barbaro I. (1971), “Puteshestvie v Tanu”, in *Barbaro i Kontarini o Rossii*, Nauka, Leningrad, pp. 9–188. (In Russian).
- Bertie-Delagard A. L. (1915), “Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekovia v Tavride”, *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey*, Vol. XXXII, pp. 220–241. (In Russian).
- Brun F. (1880), *Chernomorie*, Vol. II, Odessa. (In Russian).
- Bubenok O. B. (2013), “Alany Yugo-Zapannogo Kryma po dannym srednevekovykh pismennykh istochnikov”, in *II Bahchisaraiskie nuuchnye chtenia pamiati Ye, V. Veimarna*. Tezisy dokladov i soobscheniy, 3–7 sentiabria 2013 g., KRU “Bahchisaraiskiy istoriko-kulturnyi zapovednik”, Bakhchisaray, pp. 13–14. (In Russian).
- Vinogradov Yu. G., Shestakov S. A. (2005), “Laudatio Funeris iz Pantikapeya”, *Vestnik devnei istorii*, No. 2, pp. 42–44. (In Russian).
- “Drevnie akty Konstantinopolskogo patriarhata, odnosiyaschiesia k Novorossiyskomu krayu” (1867), *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey*, Vol. XXXII, pp. 445–473. (In Russian).
- Ivanchik A. I. (2013), “Novye dannye o rimskom voennom prisutstvii na Bospore”, *Vestnik devnei istorii*, No. 1, pp. 59–76. (In Russian).
- Konstantin Bagrianorodnyi (1991), *Ob upravlenii imperiyey*, Ed. Litavrin G. G. and Novoseltsev A. P., Nauka, Moskow. (In Russian).
- Kuznetsov V. A. (1984), *Ocherki istorii alan*, Ir, Ordgonikidze. (In Russian).
- Kulakovskiy Yu. A. (1898), “Yepiskopa Feodora “Alanskoe poslanie””, *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey*, Vol. XXI, pp. 11–27. (In Russian).
- Kulakovskiy Yu. A. (1899), *Alany po svedeniyam klassicheskikh i vizantiyskikh pisateley*, Kyiv. (In Russian).
- Kulakovskiy Yu. A. (1914), *Proshloe Tavridy*, Kyiv. (In Russian).
- Kulakovskiy Yu. A. (2002), *Proshloe Tavridy*, Stylos, Kyiv. (In Russian).
- Miller V. F. (1887), *Osetinskie etudy*, Vol. III, Imperatorskiy Moskovskiy universitet, Moskva. (In Russian).
- Nikiforov M. A. (2013), *Vizantiyski volodinnia u Girskomu Krymu u pershiy polovyni IX – na pochatku XIII stolittia*, Avtoreferat dissertatsii kandydata istorychnykh nauk, Kyiv. (In Ukrainian).
- Polkanov A. I. (1995), *Krymskie karaimy*, Paris. (In Russian).
- Polak A. N. (1964), “Novye arabskie materialy pozdnego srednievekovia o Vostochnoi i Tsentralnoi Yevrope”, in *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoi i Tsentralnoi Yevropy*, Nauka, Moskow, pp. 29–66. (In Russian).
- Saprykin S. Yu. (2005), “Enkomiy iz Pantikapeya i polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II v. n. e.”, *Vestnik devnei istorii*, No. 2, pp. 45–81. (In Russian).
- Saprykin S. Yu., Parfenov V. N. (2012), “ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ ενκομια iz Pantikapeya: Domitian ili Kommod (K voprosu o datirovke i interpretatsii nadpisi bosposkogo polkovotsa)”, *Vestnik devnei istorii*, No. 1, pp. 163–182. (In Russian).
- Sidorenko V. A. (1996), “Fragment dekreta rimskogo vremeni iz srednevekovoi baziliki pod Mangupom”, *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Issue V, Simferopol, pp. 35–54. (In Russian).
- Smirnov V. D. (1887), *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka*, St. Petersburg. (In Russian).

Sorochan S. B., Zubar V. M., Marchenko L. V. (2000), *Zhizn i gibel Hersonesa*, Maidan, Kharkiv. (In Russian).

Tuallagov A. A. (2002), *Sarmaty i alany v IV veke do n. e. – I veke n. e. (osnovnye problemy etnogeneza i etno-politicheskoi istorii)*, Dissertatsia na soiskanie uchenoi stepenidoktora istoricheskikh nauk, Vladikavkaz, available at: <http://cheloveknauka.com/sarmaty-i-alany-v-iv-v-do-n-e-i-v-n-e#ixzz4jyFl24qa> (accessed 5 May 2017). (In Russian).

Uspenskiy F. I. (2003), *Ocherki istorii Trapezundskoi imperii*, Eurasia, St. Petersburg. (In Russian).

Hvolson D. A. (1866), *Vosemnadtsat yevreiskih nadgrobnih nadpisey iz Kryma*, St. Petersburg. (In Russian).

Hvolson D. A. (1884), *Sbornik yevreiskih nadgrobnih nadpisey iz Kryma ot IX–XV st.*, St. Petersburg. (In Russian).

Choref M. Ya. (1985), “K voprosu ob alanah v srednevekovom Krymu”, *Arheologia i traditsionnaya etnografia Severnoy Osetii*, SONII, Ordgonikidze, pp. 35–46. (In Russian).

Tsukerman K. (1997), “K voprosu o rannei istorii femy Hersona”, *Bahchisaraiskiy istoriko-arheologicheskii sbornik*, Issue 1, Simferopol, pp. 309–318. (In Russian).

Yakobson A. L. (1964), *Sredniekovyi Krym*, Nauka, Moscow, Leningrad. (In Russian).

Aboulfêda (1848), *Géographie*, Traduite de l'Arabe en Français, L. II, Paris.

Bowersock G. W., Jones C. P. (2006) “A New Inscription from Panticapaeum”, *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, Bd. 156, Bonn.

Lewicki T. (1956) *Zródla arabskie do dziejów slowiansze zyzhy*, T. 1, Zakład im. Ossolińskich Wrocław, Krakow.

Дані письмових джерел про аланів Південно-Західного Криму

О. Б. Бубенок

Спираючись на відомі на сьогодні дані письмових джерел та епіграфіки, автор статті відзначив існування окремих груп аланського населення в перші століття нашої ери поблизу Херсонеса, а потім, після значної перерви, в XI–XV ст. – на кордонах Кримської Готії. Це можна пояснити особливістю етнічних процесів на південному заході Кримського півострова, що були безпосередньо пов'язані з політичними подіями в регіоні. Так, на початку нашої ери поява аланів поблизу Херсонеса мала лише епізодичний характер. У IV–V ст. алани разом із готами заселили гори Південно-Західного Криму, але тривалий час не брали участі в політичних подіях. При візантійській адміністрації і пізніше, в XI–XV ст., алани оселились поблизу Херсонеса як захист міста від нападів ворогів з півночі. У другій половині XV ст. алани зникли як самостійна етнічна група на південному заході Криму, що стало наслідком злиття їх з готами.

Ключові слова: алани, готи, Херсон, етнічні процеси, Готія, Візантія, Кримське ханство

Данные письменных источников об аланах Юго-Западного Крыма

О. Б. Бубенок

Основываясь на известных на сегодня данных письменных источников и эпиграфики, автор статьи отметил существование отдельных групп аланского населения в первые века нашей эры вблизи Херсонеса, а потом, после значительного перерыва, в XI–XV вв. – на границах Крымской Готии. Это можно объяснить особенностью этнических процессов на юго-западе Крымского полуострова, которые находились в непосредственной связи с политическими событиями в регионе. Так, в начале нашей эры появление аланов вблизи Херсонеса носило лишь эпизодический характер. В IV–V вв. аланы вместе с готами заселили горы Юго-Западного Крыма, но долгое время не принимали участия в политических событиях. При византийской администрации и позже, в XI–XV вв., аланы стали проживать вблизи Херсонеса как ограждение города от нападений врагов с севера. Во второй половине XV в. аланы исчезли как самостоятельная этническая группа на юго-западе Крыма, что стало результатом слияния их с готами.

Ключевые слова: аланы, готы, Херсон, этнические процессы, Готия, Византия, Крымское ханство

Стаття надійшла до редакції 23.06.2017